

УДК 811.161+821.163.1+27-475.2+27-277.2 DOI 10.25986/IRI.2024.97.3.013

Д. В. Сичинава

Потсдамский университет, Потсдам, Германия. mitrius@gmail.com

НОВГОРОДСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 507 – ДРЕВНЕЙШИЙ СПИСОК ДРЕВНЕРУССКОГО ТОЛКОВАНИЯ НА «ОТЧЕ НАШ»

Статья посвящена новгородской берестяной грамоте № 507, содержащей перечень грехов. Установлено, что она представляет собой фрагмент толкования на «Отче наш», сохранившегося в рукописи РГАДА. МГАМИД. № 478/958 и не учтенного в существующей литературе о текстологии этого экзегетического памятника. Текст грамоты удастся прочесть несколько полнее, чем в существующих публикациях. Поставлен вопрос о текстологии перечней грехов в домонгольской гомилетике и экзегетике, в том числе в связи с приписываемым Кириллу Туровскому «Словом о премудрости», список грехов из которого также сохранился в берестяной письменности (грамота из Торжка № 17); с нашей точки зрения, перечни в составе обоих памятников отражают единую традицию. Обсуждается эволюция списков грехов в контексте связывающих эти списки рифм и аллитераций.

Ключевые слова: покаянная дисциплина, исповедь, Кирилл Туровский, экзегетика, гомилетика, берестяные грамоты, списки грехов, поэтика, рифма

Работа выполнена в НИУ ВШЭ при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования, 2019-2021 гг.»).

1. Грамота № 507: этапы изучения

Новгородская берестяная грамота № 507 была найдена в 1973 г. на Троицком раскопе, на усадьбе А, идентифицированной как усадьба Олисея по прозвищу Гречин [Колчин, Хорошев, Янин] – предположительно священника и иконописца конца XII в., отождествляемого с той или иной степенью гипотетичности с несколькими известными по летописям персонажами. Новые открытия на Троицком раскопе, сделанные уже в последние годы XX в., вызвали и новый тур просопографических гипотез в связи с личностью Гречина, его возможными светскими функциями, его генеалогией и происхождением его прозвища [Гиппиус]. Среди берестяных грамот, происходящих с усадьбы А, существенную роль играют тексты церковного содержания. Это, в частности, заказы на иконы (иногда, судя по расположению и направлению надписей, даже проекты икон, с указанием желаемого расположения фигур Христа и святых) и церковные поминания ([Зализняк, 2004, с. 403–407, 466–467]; о церковных поминаниях с Троицкого раскопа и их грамматической структуре ср. специально: [Бобрик, с. 192–193]). Почерк Гречина, в отличие

от многих других персонажей крупных комплексов берестяных документов, нам неизвестен: на его собственной и соседних усадьбах отложились лишь письма к нему (но не от него) и упоминания его как третьего лица, а ярлычок с его именем (№ 546) тоже может быть не автографом и к тому же слишком лаконичен для идентификации руки¹. Соответственно, нам неизвестно, самим ли Олисеем Гречином или кем-то из его окружения либо паствы написана берестяная грамота № 507, уже публикаторами квалифицированная как текст церковного содержания.

Археологические данные грамоты (ярус 13, квадрат 22, глубина 1,88 м) в первой публикации [Арциховский, Янин, с. 103] отнесены к рубежу XII–XIII вв. К моменту выхода книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект», стратиграфические даты в которой подытоживают определенный этап перепроверки археологической документации, этот интервал расширен: «посл. четв. XII – 10-е гг. XIII в.» [Зализняк, 2004, с. 467]. Издатели указывают, что перед нами «обрывок документа, лишь частично сохранившего средние строки» [Арциховский, Янин, с. 103], и дают его текст таким образом:

-----ВН-----ДО----- НАША
КЛЕВЕТУ · ЗАВИСТЬ · НЕНАВИС
Т---НАВѢТЪ-----

Выделив четыре легко читаемых слова (и переведя слово *навѣтъ* как ‘обвинение, наговор’), издатели замечают, что в принципе грамота «может быть посвящена каким-то конкретным обстоятельствам», но, учитывая характеристику всего соответствующего комплекса Троицкого раскопа, «в ней можно предполагать и обрывок церковного поучения, проповеди». В качестве параллели издатели дают цитату из Никоновской летописи (приводим ее в орфографии Полного собрания русских летописей): «Не явѣ ли есть, яко за грѣхи наша попускает ихъ на насъ Господь Богъ, да обратимся и покаемся? Много бо суть въ насъ неправды, зависти, ненависти, гордости, разбои, татбы, грабленіа, насилваніа, блуды, піаньства, объяденіа, лихоиманіа, ложь, клевета, осуженіе, смѣхъ, плесаніе, позорища бѣсовьскаа, и всяко возвышеніе, възвысящеся на разумъ Божій, и всяко непокореніе закону Божію, и заповѣдей Господнихъ презрѣніе»².

В первое издание книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (1995) грамота № 507 не вошла, хотя автор неоднократно к ней обращался: в VIII и IX томах издания «Новгородские грамоты на бересте» он предлагал к ее чтению поправки, из которых видно, что он колебался в транскрипции последнего читаемого слова: **НАВѢТЪ** [Арциховский, Янин, с. 103] → **НАВѢТЪ** [Зализняк, 1986, с. 212] → **НАВѢТ...** [Зализняк, 1993, с. 175] → **НАВѢТ[Ъ]** [Зализняк, 2004, с. 467]. Однако после открытия в 2001 г. в Торжке синхронной и близкой по содержанию обширной берестяной грамоты № 17 (далее – Торж. 17) новгородский фрагмент получил контекст в берестяной письменности и был помещен, пусть и «без индивидуального разбора», во второе издание «Древненовгородского диалекта» [Зализняк, 2004, с. 467, раздел Б 141] среди трех «присоединенных» к массиву церковных поминаний с усадьбы Гречина новгородских грамот церковного содержания той же эпохи: «молитвенной записки» (вернее, псалтирной цитаты, используемой в богослужении, № 462) и фрагментов молитв (№ 652). Грамота № 507 была аттестована как «фрагмент церковного поучения» и сопровождается отсылкой к грамоте Торж. 17. К этому времени А. А. Зализняк представлял текст грамоты № 507 таким образом:

-----ВН[ѐ]-----ДО[л]--- НАША
КЛЕВЕТУ · ЗАВИСТЬ (·) НЕНАВИС(...)
Т - НАВѢТ[Ъ]-----

¹ Заметим, что, вероятно, лучше читать его текст как *Грицьнѣ* (первое *ь* – описка-предвосхищение, второе – окончание номинатива <-е> или притяжательное <-ь>), а не *Грицьнѣ* (как в издании и в [Зализняк, 2004, с. 408]).

² ПСРА. СПб., 1897. Т. 11. С. 210.

Теперь напомним содержание берестяной грамоты № 17 из Торжка – второго текста, привлекавшегося исследователями для сравнения с грамотой № 507. Его стратиграфическая дата – 70-е – середина 90-х гг. XII в.; по А. А. Зализняку, «палеография и графика грамоты указывают на 1160-е – 1210-е гг. Язык документа выглядит несколько моложе, чем палеография: он соответствует конечной части этого интервала» [Зализняк, 2004, с. 464].

МАЦЕШИНИ ЖЕ ДЕТИ СЕ СОУТЕ ГОРДОСТЕ : НЕПОКОРЕНИЕ : ПРЕКОСЛОВЕЕ : ПРЕЗ
 ЗОРЕСВО : ХОУЛА : КЕВЕТА : ЗЛОМЫСЛИЕ : ГЛЕВО : ВРАЖДА : ПЕАНЕСВО : ИГРЫ НЕЗ
 ПРИАЗНИНЫ И ВСАКАА ЗЛОБЕ : А КАЛО ЕСТЕ КЛЕВЕТА · ХОУЛА · ГНЕВО ОСОУЖЕНИЕ
 ПРЕКОСЛОВЕЕ : СВАРО : БОИ : ЗАВИСТЕ : ВРАЖДА ЗЛОПОМИНАНИЕ : НЕПОКОРЕНИЕ
 ЗЛОСЕРДЕЕ : ЗЛИИ ПОМЫСЛИ : СМЕХОТВОРЕНИЕ : И ВСА ИГРЫ БЕСОВЕСКЪА : ТА ЖЕ
 ПАКЪ ЗАПОИСВО : РЕЗОИМАНИЕ : ГРАБЛЕНИЕ : РАЗБОИ : ТАТЪА · ДШЕГОУБЛЕНИЕ
 ПОТВОРИ ПОКЛЕПО ОТРАВА БЛОУДИ ПРЕЛЮБОДЕАНИЕ ЦАРОТВОРЕНИЕ

Новоторжский документ представляет собой, как и фрагмент № 507, список грехов, точнее, даже два списка, вводимые фразами (цитируем в нормализованной орфографии) «Мачешини же дѣти се суть...» и «А калъ есть...». Из четырех грехов, названия которых читаются в грамоте № 507, в Торж. 17 находятся *клевета* (дважды: в первом списке, где л случайно пропущено, и в самом начале второго) и *зависть* (во втором). Напомним, что в списке грехов из Никоновской летописи есть, как и в грамоте № 507, *зависть* и *ненависть*, стоящие рядом и связанные рифмой (разноударной либо точной, поскольку ударение *нена́висть* в великорусских памятниках тоже известно [Зализняк, 2019, с. 672], ср. также совр. укр. *нена́висть*, бел. *няна́вісьць*)³, а также *клевета*. *Навьтъ* или *навѣты* ни там, ни там не отыскиваются (впрочем, в новоторжском тексте есть другой грех, обозначенный *plurale tantum*, – *потвори*). Есть попарные пересечения и между двумя длинными списками, приведенными выше. Перед нами, таким образом, следы более широкой традиции «списков грехов», обнаруживающих тяготение к попарной рифмовке и иным созвучиям. С грамматической точки зрения отметим, что названия грехов могут стоять в разных падежах; в грамоте из Торжка № 17 падеж везде именительный, в грамоте № 507 в слове *клевету* – винительный, автор пассажа из Никоновской летописи начинает с требуемого конструкцией *много бо суть въ насъ...* генитива, но после первых 12 звеньев списка переходит на номинатив. Что же это за традиция?

После открытия грамоты из Торжка № 17 она сразу была идентифицирована как фрагмент «Слова о премудрости» (псевдо)-Кирилла Туровского. Тем самым подтвердилась домонгольская древность (если и не авторство) этого сочинения, которое уже в конце XII или начале XIII в. было частично скопировано по бытовой орфографии в небольшом Торжке. При этом для выписки текст был определенным образом препарирован, что позволило задаться вопросом о цели писавшего. Как отмечает А. А. Зализняк, «наш переписчик решил выбросить весь отрезок между двумя списками грехов, в частности, пассаж про “порты” (‘одежду’), где упоминаются некоторые добродетели. Его явно интересовали только перечни грехов. Соответственно, из трех

³ Пара *зависть* и *ненависть* (в том числе с обратным порядком элементов) есть в византийской литературе (φθόνος, μίσος – у Прокла, в схолиях к «Лествице», у Никиты Стифата). Анонимный рецензент указал нам на еще более интересную тройку *зависть* – *ненависть/вражда* – *злопоминание* (ср. последовательность в берестяной грамоте Торж. 17) у Иоанна Карпаф(ий)ского, около VII в. (φθόνου, μίσος, ἄδικον, μνηστικίαν) и Симеона Нового Богослова, X в. (φθόνος, μίσος, μνηστικία); об эквивалентности *ненависти* и *вражды* см. ниже, раздел 4. На славянской почве, где пара *зависть* – *ненависть* поддержана созвучием, она встречается еще в Житии Михаила Тверского (XIV в.), одной из редакций Александрии (XV в.) и далее неоднократно, вплоть до украинских и русских моралистов раннего Нового времени (например, Исая Копинского, Стефана Яворского, В. Н. Татищева, митрополита Платона или Григория Сковороды), где поддерживается уже и западными источниками. Особого внимания заслуживает контекст XVI в. из Жития Корнилия Комельского (см. ниже). Присутствует пара и в современной редакции богослужебных текстов: в Постной триоди, а также, что особо важно, в каталоге грехов в составе ныне принятого в Православной Церкви последования к Причащению.

аллегорий – мачехины дети, одежды и грязь (“кал”) на этих одеждах – он оставил только первую и третью. Вполне возможно, что его цель состояла в том, чтобы с помощью Кирилла Туровского получить текст, который непосредственно помогал бы ему готовиться к исповеди и покаянию (или готовить паству, если это был священник)» [Зализняк, 2004, с. 465].

Еще 10 лет спустя аналогия с Торж. 17 подсказала А. А. Гиппиусу решающий шаг в истолковании грамоты № 507 [Гиппиус, Зализняк, с. 245]. Отправной точкой стал ранее не поддававшийся интерпретации отрезок до[л]--- наша в первой строке: А. А. Гиппиус, пользуясь новой фотографией, дочитал одну букву и предложил конъектуру доло(гы) наша, сразу вызывающую в памяти «Отче наш». Исследователь продолжает: «В таком случае последующее перечисление грехов (в В. падеже!) может быть понято как пояснение слов Господней молитвы, в которой, как известно, под долгами имеются в виду именно грехи. При таком понимании текста он оказывается структурно близок к грамоте № 17 из Торжка, представляющей собой приспособленную для нужд проповеди цитату из “Слова о премудрости” Кирилла Туровского. Такое же, как и в № 507, перечисление грехов поясняет в этом тексте иносказательное выражение ‘дети мачехи’ толкуемой притчи: *Мацеишени же дети се соуте: гордосте, непокорение, прекословее, презоресво, хоула, клевета ...*».

Эксплицируем, таким образом, высоковероятные сходства между двумя берестяными документами, выявившиеся уже на том этапе (к 2015 г.):

1) в обоих случаях перед нами изначально не самостоятельное произведение, а «приспособленный для нужд проповеди» текст. А. А. Зализняк предполагал также, что цитаты из «Слова о премудрости» предназначены для священника, готовящего паству к исповеди, или для самого кающегося;

2) списки грехов – это **толкование** некоторого текста: притчи в составе проповеди, как у (псевдо-)Кирилла, или «Отче наш», как в грамоте № 507; фрагменты толкуемого текста («мачехины дети суть», «долги наша») остаются в берестяной грамоте в качестве рудиментарных «заголовков» к основному содержанию;

3) и тот, и другой церковный литературный памятник, попав из книжной среды в берестяную письменность, переписывается по бытовой орфографии и с элементами диалекта. В связи с грамотой из Торжка это специально разбирается в [Зализняк, 2004, с. 465] как первое подобное последовательное свидетельство такой орфографической модификации⁴ (диалектная фонетика отразилась в трехкратной записи -ство как -сво), а относительно грамоты № 507 это эксплицитно нашими предшественниками не отмечалось, но ясно из предложенного А. А. Гиппиусом чтения доло(гы), где налицо как орфографический эффект ъ → о, так и диалектный рефлекс Тъ/ѣТ с двумя редуцированными.

Итак, в грамоте № 507, как предположил А. А. Гиппиус, перед нами **толкование к словам из «Отче наш»**. Существуют ли другие списки этого текста? Может быть, это какое-то уникальное, окказиональное объяснение Господней молитвы, созданное духовным лицом из круга Олисея Гречина? К счастью, удастся с полной уверенностью идентифицировать записанное на бересте литературное произведение, подтвердить догадку А. А. Гиппиуса, а заодно и прочесть текст интересующей берестяной грамоты несколько полнее.

⁴ Строго говоря, это не совсем так. Не вдаваясь в подробности дискуссии о том, что такое в данном контексте «литература», фрагменты из несомненно книжных церковных текстов переписаны (может быть, записаны по памяти) по бытовой орфографии в таких найденных до 2001 г. берестяных грамотах, как упражнения Онфима (Следованная Псалтирь и, возможно, другие богослужебные источники), грамоты № 419 (молитвы из Октоиха), № 727 (фрагменты службы Пасхи и Фоминой недели). Вероятно, А. А. Зализняк счел эти случаи не вполне чистыми образцами копирования письменного текста из-за того, что богослужебный корпус предполагает рецитацию или пение. Увещание или проповедь в грамоте № 317 (содержащей, помимо бытовой орфографии, и диалектные черты), возможно, представляет собой церковное сочинение, возникшее непосредственно на бересте.

2. Идентификация текста и уточнение чтения берестяной грамоты

Источником текста берестяной грамоты № 507, как нам удалось установить по частичной публикации (см.: [Калачов, с. XXIV]), является версия Толкования на «Отче наш» (об этом памятнике см.: [Афанасьева, с. 120–138]), известная по примечательному в целом ряде отношений рукописному сборнику третьей четверти XVI в. (РГАДА. Ф. 181 (Собрание Московского главного архива Министерства иностранных дел). Оп. 5. № 478, старый № 958 (далее – МГАМИД 478); описан: [Каталог, с. 357–369], там же библиография). Толкование занимает л. 350 об.–356 об., а на л. 352 об.–353 читается следующий пассаж (благодарим за помощь Л. В. Мошкову и А. А. Турилова; здесь и далее воспроизводим только собственно акцентные знаки, но не придыхания): «И встáви намъ дóлги наша. Сказáние: Рéкше грѣхѣи, Гь речѣ, áще ты встáвиши гнѣвъ, сварбѣ, клеветѣ, зáвисть, нѣнавьсть, злопóмненіе, рѣзоимáние, татѣбѣ, ра³бѣи и всáкѣю злóбѣ, тогда и тебѣ встáватса грѣхóвнїи дóлзи». Таким образом, подтверждается не только жанр текста, конъектура *доло(гы) наша* и происхождение формы винительного падежа *клевету*, но и тот факт, что текст литературного источника, как и в Торж. 17, сокращен и видоизменен, подчиняясь центральной задаче собрать каталог грехов. Судя по конфигурации фрагмента, едва ли представленный в рукописи МГАМИД 478 отрезок между *наша* и *клевету* был выписан на бересту целиком; более того, судя по заметным отступам с обеих сторон первой строки, между этими словами в грамоте не было вообще ничего (ср. транскрипцию А. А. Зализняка), так что после слов *долги наша* уже сразу начинался интересовавший компилятора список без первых двух⁵ звеньев. Кроме того, цитата из литературного произведения не только сокращена, но и содержит добавление: слова *навѣтъ* или *навѣты*⁶ в рукописи нет, таким образом, писец грамоты компилировал каталог грехов по памяти и/или пользуясь какими-то другими источниками (разумеется, всегда возможно, что разные списки отражают несколько иные редакции текста). В глаза сразу бросается также существенно более сильное сходство этого каталога в полном виде с текстом грамоты Торж. 17 и, соответственно, «Словом о премудрости»: к этой тематике мы обратимся ниже.

Отождествление текста позволяет надежно уточнить чтение левой части первой строки – левее слова *доло(гы)*. Напомним, что издатели видели здесь перед лакуной буквы *ви*, а А. А. Зализняк – *ви[e]*. Фотография в базе *gramoty.ru* показывает, что в этом месте видны нижние части четырех букв подряд, восстанавливаемые как *a[ви]н*, далее есть пространство для трех букв. Конъектуры очевидны: *(и ост)a[ви]н(амъ)*. Начального *и* могло и не быть, но, судя по месту, где во второй строке после отступа начинается слово *клевету*, в первой строке, как и в соответствующем фрагменте толкования, оно имелось. Издатели называют дошедшие до нас строки «средними», но следов строк, которые располагались бы выше первой, нет (аналогично представлен текст и в [Зализняк, 2004]), так что, вполне возможно, краткая цитата из «Отче наш» находилась в самом начале текста, переходя в каталог грехов – полностью аналогично Торж. 17. В слове *доло(г)ы* последняя буква – не чистая конъектура, наклонные контуры буквы *ы* на фото все же усматриваются. Кроме того, в правой части третьей строки частично видны верхние элементы еще нескольких букв; для них можно предложить вероятную реконструкцию *(рѣ)[зоe]* *(м)a[н](иe)*. Если это так, то между словами *навѣт-* и *(рѣ)[зоe](м)a[н](иe)* есть место только для 4–5 букв, и находившееся на этой позиции в книжной параллели слово *злопомнение* (или *злопоминание*, как этот грех называется в Торж. 17) не помещается. Поэтому приходится предполагать, что здесь было какое-то более короткое слово: либо *гнѣвъ*, либо же представленное

⁵ Или трех (если в первоначальном тексте читалось не *сварбу*, а *сварь*, *бои*; см. ниже).

⁶ После того, как прочлось *доло(г)ы* с орфографическим эффектом *ъ* → *о*, стало несколько более вероятным чтение *навѣт[ы]*, а не *навѣтъ* (см. выше о колебаниях А. А. Зализняка). Обращение к фотографии, как кажется, уверенно разрешить эту неоднозначность не позволяет.

в каталогах грехов той же традиции *сварь* (в рукописи МГАМИД 478 ему соответствует *сварбу*, подробнее см. ниже).

За рукописью МГАМИД 478, по аттестации А. А. Турилова, закреплена «слава коллекции древнерусских литературных раритетов» [Турилов, 2012, с. 297]. Это сборник смешанного состава, в котором преобладают экзегетические статьи с вопросно-ответной структурой. Экзегетические тексты рукописи МГАМИД 478 представляют собой компиляцию из мелких выписок, источники которых в большинстве случаев неизвестны, хотя часть текстов имеют надписания, параллели в «Беседе трех святителей», сочинениях Иоанна Дамаскина (или приписываемых ему), других гомилиях и житиях. В рукописи МГАМИД 478 находятся, в частности, такие любопытные памятники, как содержащая искаженный древнееврейский текст «Молитва Иуды» (изданная А. А. Алексеевым, который возвел ее к латинскому памятнику «*Inventio Crucis*» и его греческим версиям, с одной из которых и был сделан славянский перевод) и глоссы, отражающие знакомство в Древней Руси с древнееврейским языком [Алексеев]; «Толковая компиляция», источник ряда сюжетов Кормчей и Мерила Праведного (экзегетические сюжеты были проинтерпретированы как канонические правила), которая, по К. В. Вершинину, имеет надежные датирующие границы – «середина XII – начало XIII века» [Вершинин, 2017а, с. 6; Вершинин, 2019]; уникальная запись о строительстве церкви Бориса и Глеба в Константинополе в 1117 г. [Турилов, 2006]; «толк» Климента Смолятича [Вершинин, 2017б]; так называемое «поучение Моисея» (XII в. с языковыми новгородизмами) [Турилов, 2012]; фрагмент из поучения Максима Белгородского († 1190, [Смирнов, 1912]); запись русского паломника о Солуни и о привезенном оттуда ладане (ливане) с упоминанием князя Юрия (Всеволодовича), датирующаяся 1220–1230-ми гг. [Соболевский, 1911; Каштанов, 2001], и многое другое (см. подробную библиографию в [Каталог, с. 368–369]).

Как видим, сочинения в составе рукописи МГАМИД 478, имеющие датирующие признаки, относятся к домонгольскому периоду. Не является исключением, как теперь ясно, и толкование на «Отче наш»: выписка из него, обнаруженная на усадьбе новгородского священника, принадлежавшего, скорее всего, к элите Республики, со стратиграфической точки зрения приходится на период примерно между 1175 и 1220 гг. Эта версия текста толкования молитвы Господней малоизучена; она не учтена, в частности, в наиболее детальном анализе редакций этого памятника в работе [Афанасьева]. Нам известны (до полного описания сборника в работе [Каталог]) два обращения исследователей к этому тексту, оба относятся к XIX в. Это частичное комментированное описание сборника в работе [Калачов, с. XX–XXVIII] (благодаря которой нам и удалось отождествить текст), а также развернутая аннотация этого места в архивной описи соответствующего фонда (ныне) РГАДА, составленной В. М. Ундольским (за идентификацию почерка благодарю Л. В. Мошкову и А. А. Турилова). Обоих исследователей особо интересовали пассажи текста, указывающие на древнерусское (а не переводное) происхождение толкования – обсуждение социальной категории изгойства, также включенной в каталог грехов, и похвала Владимиру Святому («русскому царю»). Например, В. М. Ундольский пишет: «... объяснение молитвы Господней очевидно Русского происхождения. В сем объяснении упоминается о “Русском царе Владимире” и между некоторыми грехами об *изгойстве*»⁷. Вслед за Н. В. Калачовым трактат об изгойстве из этой редакции толкования на «Отче наш» достаточно широко обсуждался в историко-юридической литературе.

⁷ РГАДА. Ф. 181. Оп. 5. Л. 363.

3. Место в текстологической традиции толкования на «Отче наш»

Большинство известных в славянских списках текстов толкования на «Отче наш» [Афанасьева, с. 121] восходит к греческому источнику – толкованию Псевдо-Златоуста, хотя, разумеется, вставкам и переработкам на славянской почве не приходится удивляться (см. также: [Милтенова]). Всего Т. И. Афанасьева выделяет четыре редакции славянского толкования на «Отче наш». Текст рукописи МГАМИД 478, не рассматриваемый в ее работе, относится к «2-й редакции», точный греческий оригинал которой не найден (более того, Т. И. Афанасьева склонна полагать, что эта «редакция» вообще является, по сути, не редакцией [перевода с греческого], а самостоятельным сочинением, «составленным из цитат оригинальных древнерусских произведений») [Афанасьева, с. 128]. Наиболее изучен текст, изданный А. И. Соболевским [Соболевский, 1912] по рукописи ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 8 (XIV в.) (далее – Рум. 8) с вариантами по рукописи ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.I.312 (далее – Q.I.312). К этому же виду исследовательница относит и варианты из других древнерусских кодексов (ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 807/917, 860/970, Собрание М. П. Погодина. № 894).

Мы благодарны анонимному рецензенту журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», поделившемуся следующими сообщениями о текстологии толкования на «Отче наш» в рукописи МГАМИД 478:

«Можно поддержать мнение Т. И. Афанасьевой, что текст, представленный в МГАМИД 478/958, представляет собой компиляцию из нескольких источников. К последним относится, по всей вероятности, помещенная в этой же самой рукописи толковая компиляция. В ней фрагмент “Всего же ес(ть) горѣ из’гойство в’зимати” остался без истолкования, однако сопровождается пометой: “Писанъ въ О(т)че нашъ” (л. 379). Между тем в другом списке компиляции (БАН, 45.11.16, л. 144 об.) фрагмент полон, хотя “изгойство” заменено на “резоимство” (во второй раз – лишь частично): “О рѣзоимѣхъ. Всего ж(е) есть горѣ рѣзоимѣство взымати... то изгоймѣство (!) тѣкуется...” Уместно, между прочим, предположить, что толкование об изгойстве связано с посланием Климента Смолятича: в толковой компиляции оно помещено между выписанным из послания толкованием на Лев. 11:1 (из Феодорита Кирского), где осуждается лихоимство (и перед другим толкованием из послания – о пиявице). Составитель развивал данную тему, чему могло также способствовать упоминание изгоев у Климента».

Если сравнить текст рукописи МГАМИД 478 с относящимися к той же ветви традиции текстами рукописей Рум. 8 и Q.I.312, то она ближе ко второму из них (начало, слова «всякая злоба»), но пространнее обоих; заметим, что, с точки зрения Т. И. Афанасьевой, описанные ею тексты «второй редакции 1-го вида» сокращены по сравнению с другими видами этой же редакции, читающимися в составе кормчих [Афанасьева, с. 126]. При этом список у слов *долги наша* в толковании на «Отче наш» по Новгородской «Климентовской» кормчей 1280-х гг. (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 132 (далее – Син. 132): *гнѣвъ, ненависть, клевета, рѣзоимание* – тоже короче, чем в МГАМИД 478. В берестяной грамоте № 507, которая примерно на век старше, в свою очередь, читается сокращенная версия редакции МГАМИД 478: скорее всего, перед нами разные выборки из общего источника (см. ниже).

Обращение к рукописной традиции толкования на «Отче наш», описанной в книге Т. И. Афанасьевой, показывает дополнительные сходства с известной нам по берестяным грамотам традицией каталогов грехов. В толковании на «Отче наш» перечней грехов два (как и, скажем, в «Слове о премудрости», приписываемом Кириллу Туровскому). Второй из них находится после слов «но избави нас от неприязни» (в рукописи МГАМИД 478 на л. 355 об., что в целом нетипично для славянских списков толкования «Отче наш», где обычно используется

преславский перевод молитвы Господней [Афанасьева, с. 122] – *ѡ лукаваго*). И этот второй каталог по рукописи Новгородской кормчей Т. И. Афанасьева прямо сопоставляет с текстом «Слова о премудрости» и с берестяной грамотой Торж. 17 ввиду очень далеко идущих параллелей. Увидим ниже, что пронизательный вывод Т. И. Афанасьевой, относящийся к Новгородской кормчей: «В рассматриваемом толковании перечень сокращен, но порядок следования грехов и их словесное выражение совпадает» [Афанасьева, с. 127], – справедлив и для нескольких других версий каталога.

4. Ранняя традиция перечней грехов

Приведем в сопоставительной таблице каталоги грехов из уже известных нам источников (два места из «Отче наш» – при словах «долги наша» и «избави нас от неприязни/лукаваго» по рукописям МГАМИД 478, Рум. 8 и Новгородской кормчей Син. 132, а также два места из «Слова о премудрости» – при словах «мачешины дети суть» и «а кал есть»). Содержательные разночтения из берестяных грамот № 507 и Торж. 17 по сравнению с их литературными источниками указаны в квадратных скобках:

МГАМИД 478, «долги»	<i>гнѣвъ, сварбѣ, клеветѣ, завѣсть, <u>нѣнавиствѣ</u>, злопѣмненіе, рѣзоиманіе, татѣбѣ, разбѣи и всѣкую злобѣ</i> [берестяная грамота № 507: сохранился отрезок, вероятно, начальный: <i>клевету, завѣсть, <u>ненавиствѣ</u></i> ; далее (вероятно, подряд) добавлено <i>навѣты</i> ; далее, после лакуны в 4–5 букв, предположительно читается слово <i>рѣзоеманіе</i>]
Рум. 8, «долги»	<i>гнѣвъ, <u>ненавиствѣ</u>, клевета, рѣзоиманіе</i>
Син. 132, «долги»	<i>гнѣва, завѣсти и <u>ненавистви</u>, горести, всякаго злопоминанія</i>
МГАМИД 478, «от лукаваго»	<i>хѣла, всѣженіе, клеветѣ, гнѣвъ, <u>гордость</u>, злопѣмненіе и прочее. Всегѣ же есть горѣ изгѣство <u>взимати</u> <...></i>
Рум. 8, «от неприязни»	<i>хоула, клевета</i>
Син. 132, «от неприязни»	<i>хоула, клевета, осуженія, сварѣ, бои и прочая</i>
«Слово о премудрости», «мачешины дети»	<i>гордость, непокореніе, прекословье, презорьство, хула, клевета, зломыслье, гнѣвъ, вражда, пьянство, игры неприязнины и всякая злоба</i>
«Слово о премудрости», «а кал есть»	<i>клевета, хула, осуженье, гнѣвъ [Торж. 17 в другом порядке: гнева, осужение], прекословье, сварѣ, бой, завѣсть, вражда, злопоминанье, непокореніе, злосердіе, зліи помысли, смѣхотвореніе, и вся игры бѣсовьскыя; таже пакы: запойство, рѣзоиманье, грабленье, разбой, татба, душегубство, потвори, поклепѣ, вѣлхованія, чародѣянія, прелюбодѣянья, и всяка злоба [Торж. 17 финальная часть после поклепѣ: <i>отрава, блуди, прелюбодеаніе, царотвореніе</i>]</i>

В наиболее пространный перечень – «а кал есть» из «Слова о премудрости» – содержатся все грехи из обоих каталогов в рассматриваемых рукописях толкования на «Отче наш» с несколькими исключениями (выше они подчеркнуты; явно вставной трактат об изгойстве из МГАМИД 478 не в счет). Причем все эти исключения могут быть мнимыми. Отметим, что «гордость» из списка «от лукаваго» по рукописи МГАМИД 478 открывает список «мачешинных детей» из «Слова о премудрости». Что же касается «ненавистви» из списка «долгов», то она находится рядом с «завѣстью»: эта пара присутствует в разных видах второй редакции, в том числе в Кормчих [Афанасьева, с. 133], а в Рум. 8 осталась только «ненавиствѣ»; отметим союз *и*, скрепляющий пару в Новгородской кормчей (но не в более древней грамоте № 507) и говорящий

об их тесной связи в глазах книжника. Пара объединена общим корнем, словообразовательной моделью и (точной либо разноударной) рифмой. В дальнейшей традиции развития «списка грехов» в русской покаянной дисциплине тенденция сближения созвучных пар (несомненно, имеющая мнемонический подтекст) будет только нарастать. Семантически же и по позиции в списке «ненависть» из МГАМИД 478 соответствует «вражде» из «Слова о премудрости»: она стоит в точности на том же самом месте, между «завистью» и «злопоминанием». Можно предположить, что в прототипе древнерусской редакции толкования на «Отче наш» произошла мотивированная созвучием (а также, вероятно, и иной литературной традицией, где эта пара уже существовала) замена.

Напомним, что тройка «зависть – ненависть (μῖσος) – злопоминание» в готовом виде имеется в греческих источниках (см. примеры в примеч. 2).

«Наветы», известные только по берестяной грамоте № 507, могут также расширять эту же цепочку созвучий («две придут сами, третью приведут»), переключаясь как с *клеветой* (разноударная рифма), так и *ненавистью*. Высоковероятно, что правый край грамоты (с небольшими повреждениями) исконный, и, таким образом, «наветы» идут в ее тексте непосредственно после «ненависти». С этой точки зрения очень интересна параллель из Жития Корнилия Комельского (вторая половина XVI в.): «Что **навѣти** от **зависти** и **ненависти**, от чюжих и от своих **клеветы** и досады, и до самого державнаго доидоша нань»⁸. Возможно, эта аллитерирующая четверка возникла на бересте у новгородского клирика конца XII в. и под пером вологодского агиографа спустя четыре века независимо, но в любом случае общность приема кажется весьма вероятной. Аналогичный механизм можно предполагать и насчет элемента «горесть» в Новгородской кормчей.

Порядок звеньев в этих каталогах весьма устойчив, подтверждая наблюдение Т. И. Афанасьевой над версией Новгородской кормчей: по сравнению с большим перечнем из (псевдо)-Кирилла комментарий к «долгам» из МГАМИД 478 переносит «клевету» на два звена, после «сварбы» (заметим, что вариант *сварбу*, в раннедревнерусском орфографическом облике **свварь-боу*, мог быть искажением, возникшим под пером раннего редактора вместо двух семантически связанных звеньев **свварь, бои*, сохраненных в этом же порядке в Новгородской кормчей), а также меняет местами смежные «татьбу» и «разбой». В списке при «неприятности» в Новгородской кормчей переставлены смежные «клевета» и «хула», в МГАМИД 478 в аналогичном списке перемещена только «клевета». Судя по перестановке двух смежных звеньев («гнева» и «осуждения») в новоторжской берестяной грамоте, мелкое варьирование такого типа встречалось и при бытовании полного варианта второго списка из «Слова о премудрости».

Таким образом, пространный каталог грехов из «Слова о премудрости» является наиболее полным, а краткие каталоги из толкований на «Отче наш» в целом сохраняют порядок звеньев в нем (при том что выбирают из него разные звенья). Диктуемая контекстуальным созвучием замена «вражды» на «ненависть» вероятнее, чем замена в обратном порядке. Отсюда естественно заключить, что пространный список текстологически предшествует этим кратким каталогам. Конкретных датирующих указаний это нам не дает: не говоря уже о ситуации с далеко не гарантированным авторством Кирилла Туровского, каталоги грехов могли быть заимствованы и из более ранних источников. Однако именно из этих конкретных литературных сочинений, как показывают нам рудименты толкуемых текстов в берестяных грамотах, пространные и краткие каталоги грехов уже очень скоро, в конце XII – начале XIII в., попадают в «прикладные» выписки, предназначенные для священника или кающегося.

⁸ ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 28/1267, цит. по: БЛДР. СПб., 2005. Т. 13. С. 310.

Схожую краткую выборку из исходного пространного каталога можно усмотреть и в поучениях Серапиона Владимирского середины XIII в. («Аще ѿступи(м̄) скверны(х̄) и немл(с̄) твѣхъ судовъ, аще премѣнимъса кроваво(г̄) рѣзоимства и всакого грабленъ, татбы, разбом и (не)чтго прелюбодь(и)ства, ѿлучающа ѿ Ба сквернословья, лжѣ, клеветы, клатвы и поклепа, иныхъ дѣлъ сотонины, аще сихъ премѣнимса, добрѣ вѣдѣ яко бл҃гаа прииму(т̄) ны не токмо в сии вѣкъ, в бу(д̄)щии»⁹). Выделенные нами пять слов идут в том же порядке, что и в «Слове о премудрости», с небольшими пропусками. Однако у Серапиона уже налицо тенденция к аллитерационной организации текста («клеветы, клатвы и поклепа»), которая вполне обозначится в дальнейшей русской традиции перечней грехов.

5. Каталоги грехов в контексте дальнейшей традиции

Судьбу каталогов грехов в традиции русской покаянной дисциплины (вопросников и поновлений) начиная с XIV в. можно проследить по работам А. И. Алмазова [Алмазов] и М. В. Корогодиной [Корогодина]. Как мы видели, дошедшие до нас домонгольские списки грехов, в том числе сохранившиеся в берестяных грамотах и, вероятно, связанные со слабо формализованной в эту эпоху покаянной дисциплиной, слабо аллитерированы и демонстрируют только некоторые созвучные ряды, формирующиеся, каково бы ни было происхождение исходных текстов, уже на славянской почве¹⁰ (пара *зависть* – *ненависть*, подхваченная на бересте словом *навѣты*; несколько стоящих рядом слов на *-ание* и *-ение*; заметим, что три слова на *-ство* в «Слове о премудрости» разделены другими, а смежное созвучие *чародѣяние* и *прелюбодѣяние* даже в «прикладной» редакции, отраженной берестяной грамотой Торж. 17, изменено на менее выразительное).

Более поздние, известные с XIV в. древнерусские списки грехов для кающегося – «поновления» – вероятно, предназначались не столько для индивидуального исповедания грехов, сколько для повторного (на что указывает и само название) воспоминания уже исповеданных грехов за всю жизнь [Корогодина, с. 39–40]. Один из самых ранних таких текстов (сборник РГАДА. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии). № 40, XIV в.), который М. В. Корогодина называет «прототипом поновления» [Корогодина, с. 548] («И се суть грехи моя: татбы, клеветы, зависти, лжи, свар, бои, осужения, ревения, чарования, воххва, укора, посмех, поругания, грабления, поклепа, немилости, непослушание, роптание, злы помыслы, нечестье, неисправление молитве, гордость, величание, неправедное богатство, неправед суд, кощюнок, игры неподобные, песни бесовския, пласание, дуднее, празнословье, срамныя речи и повесть, скупость, хуление... (далее следует развернутый перечень объектов хулы. – Д. С.)») уже заметно отличается в составе и порядке компонентов от списка из «Слова о премудрости», хотя некоторые общие контуры сохраняются («клевета», «зависть», устойчиво парные «свар» и «бой» – ближе к началу, амплифицированные «игры бесовские» – ближе к концу); насыщенность текста созвучиями остается примерно той же. Определенные сходства с этим каталогом демонстрирует не связанный непосредственно с покаянной дисциплиной перечень грехов XVI в. из Никоновской летописи, цитируемый издателями берестяной гра-

⁹ Цит. по рукописи ОР РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 11, размеченной для древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Пример найден при помощи панхронического корпуса НКРЯ (см. описание: [Сичинава]) с семантической разметкой современных русских когнатов, запрос «три абстрактных существительных с отрицательной коннотацией подряд».

¹⁰ Калькирование подобных созвучных рядов с греческого – и даже утрирование созвучия, более слабого в подлиннике, – тоже в принципе не исключено. Ср. перечень грехов в составе Добротолюбия (церковнославянский перевод Паисия Величковского, 1793 г.) из трактата Никиты Стифата, XI в.: «сластолюбіе, славолюбіе, сребролюбіе, ненави́сть, за́висть, татьба́, пьянство, досаждѣніе, всуждѣніе» (цит. по НКРЯ, где дается по изданию 1902 г.) («φιλῆδονία, φιλοδοξία, φιλάργυρία, μῖσος, φθόνος, κλοπή, μέθη, λοιδορία, κατάκρισις» (Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν. [Venezia], 1781. P. 846)). В свою очередь, первые три звена из этого списка восходят к приписываемому Иоанну Дамаскину трактату «О восьми духах нечестия» (Patrologia Graeca. Paris, 1864. T. 95. P. 89).

моты № 507 (напомним: «неправды, зависти, ненависти, гордости, разбои, татбы, грабленіа, насилуваніа, блуды, піаньства, объяденіа, лихоиманіа, ложь, клевета, осуженіе, смѣхъ, плесаніе, позорища бѣсовьскаа»¹¹). Здесь перед нами схожая с поновлением из сборника РГАДА. Ф. 381. № 40 грамматическая структура (начальные формы родительного падежа единственного числа и/или частично омонимичные им формы именительного падежа множественного числа, перерастающие в ряд форм именительного падежа единственного числа), а кроме того, имеющие весьма древнее происхождение отдельные блоки (*зависть + ненависть, разбой + татба + грабленіе, клевета + осуженіе, запойство = піаньство + рѣзоиманье = лихоиманіе*) переставлены и местами распространены новыми грехами в соответствии с представлениями редакторов; типология и частотность созвучий остаются на том же уровне, что и в конце XII в.¹²

Однако в более поздних поновлениях, которые обязательно зачитывались (или, что важнее, заучивались) полностью, причем конкретные обстоятельства кающегося были неважны, списки сильно разрастаются; тем самым увеличивается и даже абсолютизируется роль мнемоники. Слова с созвучными исходами выстраиваются в длинные ряды: «А се су^т грѣси мои: сребролюбіе. златолюбіе. сластолюбіе, славолюбіе, самолюбіе, миролюбіе, плотолюбіе... А се су^т грѣси мои: Многословіе, любословіе. празднословіе. сквернословіе, лъжесловіе. смѣхословіе. блядословіе. срамословіе, прекословіе. буюсловіе. соуесловіе, баснословіе. спротивословіе, злословіе... А се су^т грѣси мои: Лихоимьство. мздоимьство, многоимьство, мшелоимьство, рѣзоимьство, чюжеимьство, шпа^тство, окааньство, лакомство. претребство. ласкордъство, несыство, піаньство, соуровьство, невѣрство... (и далее, всего 26 слов на -ство. – Д. С.). А се су^т грѣси мои: шбъяденіе, оупиваніе, блеваніе, таиноуденіе, шклеветаніе, оглаголаніе, осу^жніе, киченіе, злонравіе, злопомнѣніе, злосердіе, жестокосердіе, немилосердіе... оуныніе, безчиніе, мнѣніе, прѣніе... А се су^т грѣси мои: зависть, ненависть, ревность, ѣро^с, скупос^с, лѣно^с, слабо^с, бую^с, юно^с, праз^ность, гордо^с, дерзо^с, мерзо^с, горе^с...»¹³. Но даже на этом общем рифмованном фоне сохраняются осколки архаичных последовательностей, известные еще по «Слову о премудрости»: *сварь, бои, татба* (склеенное из *сварь, бои* и *разбои, татба*); слева вплотную к *сварь* поставлен отделенный от него в «Слове» двумя звеньями *гнѣвь* (в результате получилась мнемонически удобная последовательность односложных слов), а находившиеся между ними *осужденіе* и *прекословіе* распределились по своим рифменным гнездам¹⁴.

Определенная исходная композиция, семантическая иерархия и группировка грехов, несомненно, игравшие ключевую роль у (псевдо-)Кирилла или в толковании на «Отче наш» и еще никак не затронутые в имевших прикладное назначение выписках на бересте, отступают на второй план по сравнению с группировкой их названий (часто при этом близких синонимов) по фонетическому признаку, на грани языковой игры. Этот материал представляет интерес с точки зрения не только истории русской исповеди или мнемонических приемов при запоминании текста, но и русской стиховой культуры и восприятия рифмы: например, разноударные или диссонансные рифмы, возникающие в раннем Средневековье, вытесняются точными.

С точки зрения А. И. Алмазова, списки грехов в составе поновлений восходят к спискам мытарств. Материал литературных произведений, отразившихся в берестяных грамотах № 507 и Торж. 17, показывает, что к источникам поновлений, вероятно, следует добавить древнерусскую

¹¹ ПСРА. Т. 11. С. 210.

¹² Эту же общую для позднего Средневековья тенденцию к амплификации списков, связанных с блудом, «играми бесовскими» и колдовством, демонстрируют и каталоги грехов из Домостроя.

¹³ «Исповедание» из Требника ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1064, цит. по [Алмазов, т. 3, с. 218–219], уточненная дата рукописи – начало XVI в. [Корогодина, с. 397].

¹⁴ Предметом отдельного исследования должны быть каталоги грехов в молитвословах (такие тексты, как Исповедание грехов повседневное, Молитва к ангелу-хранителю, молитвы в составе Последования ко святому причащению и др.).

гомилетику и экзегетику домонгольской эпохи и что практика отдельного функционирования каталогов грехов из подобных сочинений в контексте покаянной дисциплины также не моложе начала XIII в. В столь ранний период на Руси были известны лишь «краткие покаянные тексты самого общего характера» [Корогодина, с. 49], а существование специальных исповедных вопросников (предполагавшееся, например, С. И. Смирновым) крайне сомнительно [Корогодина, с. 56].

Остаются открытыми вопросы вероятных греческих источников (ср. некоторые параллели в примеч. 2) и тем более подробности текстологической истории каталогов грехов: текстология перечней, состоящих из столь мелких звеньев, представляет собой задачу, решаемую лишь с той или иной степенью приближенности (о схожей проблеме см.: [Корогодина, с. 45]).

Литература

- Алексеев А. А. Молитва Иуды // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 48. С. 238–242.
- Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894. Т. 1. 596 с.; Т. 2. 454 с.; Т. 3. VIII, 296, 89, XVI с.
- Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. 192 с., [1] л. ил.
- Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. Исследования и тексты. М., 2012. 393 с.
- Бобрин М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.
- Вершинин К. В. Об одном источнике Мерила Праведного и Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 5–8. [Вершинин, 2017а]
- Вершинин К. В. Послание Климента Смолятича и толковые сборники // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2017. Вып. 5. С. 16–27. [Вершинин, 2017б]
- Вершинин К. В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М., 2019. 294, [1] с.
- Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 99–114.
- Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12. С. 196–276.
- Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 181–217.
- Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 123–180.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 872 с.
- Зализняк А. А. Древнерусское ударение. 2-е изд., расширенное и перераб. М., 2019. 870 с.
- Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Книги второй половина первая. М., 1855. 517 с.
- Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2020. Вып. 3. 652 с.
- Капитанов Д. В. К истории связей Северо-Восточной Руси и Фессалоники во второй половине XII – начале XIII в. // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. М., 2001. С. 40–47.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. 168 с.
- Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. 579, [5] с., [4] л. цв. ил., факс.
- Милтенова А. Erotapokriseis: Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София, 2004. 573 с.

Сичинава Д. В. Панхронический корпус: интеграция исторических и современных корпусных ресурсов // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. 2024. № 2 (40). С. 336–354. DOI 10.31912/rvrl-2024.2.20

Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М., 1912. 568 с.

Соболевский А. И. Неизвестный русский паломник // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1911. Т. 16. Кн. 1. С. 5–7.

Соболевский А. И. Три древнерусских толкования // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 82–92.

Турилов А. А. Два византийско-русских историко-архитектурных сюжетца // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М., 2006. С. 458–462.

Турилов А. А. «Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М., 2012. С. 286–304.

References

Afanas'eva, T. I. Drevneslavyanskije tolkovaniya na liturgiyu v rukopisnoi traditsii XII–XVI vv. Issledovaniya i teksty [Old Slavic Interpretations of the Liturgy in the Manuscript Tradition of the 12th – 16th Centuries. Research and Texts]. Moscow, 2012. 393 p.

Alekseev, A. A. Molitva Iudy [The Prayer of Judas]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 1993. Vol. 48. Pp. 238–242.

Almazov, A. I. Tainaya ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi Tserkvi. Opyt vneshnei istorii. Issledovanie preimushchestvenno po rukopisyam [Secret Confession in the Eastern Orthodox Church. The Experience of External History. Research is Mainly Based on Manuscripts]. Odessa, 1894. Vol. 1. 596 p.; Vol. 2. 454 p.; Vol. 3. VIII, 296, 89, XVI p.

Artsikhovskii, A. V., Yanin, V. L. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.) [Novgorod Birch Bark Letters (From the Excavations of 1962–1976)]. Moscow, 1978. 192 p., [1] l. of il.

Bobrik, M. A. Marginalii k berestyanyam gramotam i pamyatnikam drevnerusskoi epigrafiki [Marginalia to Birchbark Letters and Some Old Russian Epigraphic Texts]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 2 (28). Pp. 191–201.

Gippius, A. A. K biografii Oliseya Grechina [To the Biography of Olisei Grechin]. In *Tserkov' Spasa na Nereditse: Ot Vizantii k Rusi. K 800-letiyu pamyatnika*. Moscow, 2005. Pp. 99–114.

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot [Amendments and Remarks to Reading Previously Published Birch Bark Letters]. In *Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow, 2015. Vol. 12. Pp. 196–276.

Kalachov, N. V. Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedenii, otnosyashchikhsya do Rossii [Archive of Historical and Legal Materials Relating to Russia]. Book 2. Part 1. Moscow, 1855. 517 p.

Kashtanov, D. V. K istorii svyazei Severo-Vostochnoi Rusi i Fessaloniki vo vtoroi polovine XII – nachale XIII v. [On the history of Relations between Northeastern Russia and Thessalonica in the Second Half of the 12th – the Early 13th Centuries]. In *Stanovlenie slavyanskogo mira i Vizantiya v epokhu rannego Srednevekov'ya*. Moscow, 2001. Pp. 40–47.

Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XVI veka, khranyashchikhsya v Rossiiskom gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov [Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books of the 16th Century, Stored in the Russian State Archive of Ancient Acts]. Moscow, 2020. Issue 3. 652 p.

Kolchin, B. A., Khoroshev, A. S., Yanin, V. L. Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v. [The Estate of the Novgorod Artist of the 12th Century]. Moscow, 1981. 168 p.

Korogodina, M. V. Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv. [Confession in Russia in the 14th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, 2006. 579, [5] p., [4] l. of col. il., facs.

Miltenova, A. Erotapokriseis: S'chineniyata ot kratki v'prosi i otgovori v starob'lgarskata literature [Erotapokriseis: Short Questions and Answers in Old Bulgarian Literature]. Sofia, 2004. 573 p.

- Sitchinava, D. V. Pankhronicheski korpus: integratsiya istoricheskikh i sovremennykh korpusnykh resursov [A Panchronic Corpus: Integration of Historical and Contemporary Corpus Resources]. In *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*. 2024. No. 2 (40). Pp. 336–354. DOI 10.31912/pvrl-2024.2.20
- Smirnov, S. I. Materialy dlya istorii drevnerusskoi pokayannoi distsipliny (teksty i zametki) [Materials for the History of the old Russian Confession Discipline (Texts and Notes)]. Moscow, 1912. 568 p.
- Sobolevskii, A. I. Neizvestnyi russkii palomnik [An Unknown Russian Pilgrim]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. Saint Petersburg, 1911. Vol. 16. Book 1. Pp. 5–7.
- Sobolevskii, A. I. Tri drevnerusskikh tolkovaniya [Three Old Russian Interpretations]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. Saint Petersburg, 1912. Vol. 17. Book 3. Pp. 82–92.
- Turilov, A. A. Dva vizantiisko-russkikh istoriko-arkhitekturnykh syuzhettsa [Two Byzantine-Russian Historical and Architectural Narratives]. In *ΣΟΦΙΑ. Sbornik statei po iskusstvu Vizantii i Drevnei Rusi v chest' A. I. Komecha*. Moscow, 2006. Pp. 458–462.
- Turilov, A. A. “Pouchenie Moiseya” i sbornik igumena Spiridona [“The Teaching of Moses” and the Collection of Abbot Spyridon]. In *Turilov, A. A. Mezhlavlyanskie kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan. Etyudy i kharakteristiki*. Moscow, 2012. Pp. 286–304.
- Vershinin, K. V. Ob odnom istochnike Merila Pravednogo i Kormchei [On a Certain Source of Merilo Pravednoe (“The Just Measure”) and Kormchaya]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 1 (67). Pp. 5–8. [Vershinin, 2017a]
- Vershinin, K. V. Poslanie Klimenta Smolyaticha i tolkovye sborniki [The Epistle of Kliment Smolyatich and Explanatory Collections]. In *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess*. Moscow, 2017. Issue 5. Pp. 16–27. [Vershinin, 2017b]
- Vershinin, K. V. Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava [Merilo Pravednoe in the History of Old Russian Literature and Law]. Moscow, 2019. 294, [1] p.
- Zaliznyak, A. A. Popravki i zamechaniya k chteniyam berestyanykh gramot [Amendments and Remarks to the Readings of Birch Bark Letters]. In *Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestyanykh gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)*. Moscow, 1986. Pp. 181–217.
- Zaliznyak, A. A. Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot [Amendments and Remarks to the Reading of Previously Published Birch Bark Letters]. In *Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moscow, 1993. Pp. 123–180.
- Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskii dialect [The Old Novgorod Dialect]. 2nd edition, revised taking into account the material of the finds of 1995–2003. Moscow, 2004. 872 p.
- Zaliznyak, A. A. Drevnerusskoe udarenie [The Old Russian Accent]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2019. 870 p.

Dmitri V. Sitchinava
University of Potsdam, Potsdam, Germany

BIRCHBARK LETTER 507 FROM NOVGOROD:
THE EARLIEST TEXT OF THE OLD EAST SLAVIC EXEGESIS ON LORD'S PRAYER

The paper comments on the Novgorod birchbark letter 507 containing a list of sins. It is established that it is a fragment of the exegesis on Lord's Prayer, according to RGADA. MGAMID. No. 478/958 (Russian State Archive of Old Acts). It was not taken into account in the existing critical literature on this exegetical text. The birchbark document can be reconstructed in more details than in the existing publications. The list of sins in pre-Mongol Old East Slavic homiletics and exegetics are discussed in the context of “Word on Wisdom” ascribed to Cyril of Turov. A list of sins from that text is also found in the birchbark corpus (Torzhok No. 17). We argue that the lists in both texts follow the same tradition. The evolution of the lists of sins from the point of view of rhymes and alliterations is discussed.

Keywords: penitential discipline, confession, Cyril of Turov, exegetics, homiletics, birchbark letters, lists of sins, poetics, rhyme

